

УДК 323.173(4-15)

**ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ И ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛА РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ
РЕГИОНАЛЬНОГО СЕПАРАТИЗМА В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ**
K. С. Пузырев

**PROBLEMS OF TYPOLOGISATION AND EXPERTISE OF THE POTENTIAL
OF VARIOUS TYPES OF REGIONAL SEPARATISM IN WESTERN EUROPE COUNTRIES**
K. S. Puzyrev

В статье анализируются основные типы регионального сепаратизма в странах Западной Европы. Рассматриваются предпосылки и особенности проявлений регионального сепаратизма в западно-европейском регионе. Автором представлен сравнительный анализ основных типичных случаев регионального сепаратизма в Западной Европе, оценивается их политический потенциал и возможные последствия для западно-европейских государств.

The basic types of the regional separatism in countries of Western Europe are being analyzed in article. Preconditions and features of cases of regional separatism in the West European region are discussed. The comparative analysis of typical cases of regional separatism in the Western Europe are being presented, their political potential and possible consequences for the West European states are being expertized.

Ключевые слова: регион, регионализация, сепаратизм, национализм, европейская интеграция, политизация этничности.

Keywords: region, a regionalization, separatism, nationalism, the European integration, politicization of the ethnicity.

Предпосылки для возникновения различных типов сепаратизма в современном мире более чем значительны. Сегодня практически не существует этнически гомогенных государств, а интересы Центра и регионов нередко приходят в конфликт друг с другом. Тем большее значение приобретают сегодня своевременное прогнозирование и упреждение различных форм и проявлений этого многообразного феномена.

Автор статьи рассматривает региональный сепаратизм как комплексный феномен, связанный со стремлением региональных или этнорегиональных общностей к политическому самоопределению через отделение от существующего государства с созданием собственной государственности. Сепаратизм проявляется не только в политической, но и в экономической, и в социальной, и в культурно-информационной сферах. Он опирается на исторически сложившуюся региональную (этнорегиональную) идентичность и находит свое воплощение в форме регионально-сепаратистского движения, лидеры которого используют технологии этнополитической мобилизации и ту или иную версию сепаратистской идеологии. Основанием этой идеологии является та или иная разновидность идеи «регионального самоопределения» и/или «регионального национализма». Национализм (политический, экономический, культурно-лингвистический) является питательной средой для регионального сепаратизма, поскольку без последнего невозможна политизация факторов этнического и регионального своеобразия в целях последующего самоопределения. Кроме того, национализм позволяет регионально-сепаратистскому движению мобилизовать ресурсы из различных сфер жизни общества (политической, экономической, культурно-информационной), сформировать свою базу и получить массовую поддержку.

Кроме того, региональный сепаратизм принимает различные формы, в зависимости от особенностей и условий конкретного общества, страны, государства. Соответственно могут быть выделены различные виды регионального сепаратизма – конфессиональные, лингвистические, социально-экономические, социально-статусные и другие. Подтверждением этого разнообразия являются многочисленные примеры регионального сепаратизма – в Великобритании, Испании, Франции, Бельгии, Италии и др., когда практически в каждом из случаев он представляет собой уникальное политическое явление. Частные случаи сепаратизма отличаются друг от друга определенным набором межрегиональных и межэтнических противоречий, исторических предпосылок, особенностями взаимоотношений этнического большинства и меньшинства, а также между региональной и центральной властью государства. Подобные различия столь масштабны и велики, что классификация региональных сепаратизмов является весьма сложной научной задачей. В то же время можно выделить общие черты регионального сепаратизма: связь с идеей особой этнорегиональной судьбы и миссии, антиэтатизм (неприятие доминирующего государства и его истории), демократизм (этнически и регионально окрашенный), стремление к защите и политическому выражению этнорегиональной идентичности, стремление получить массовую поддержку и мобилизовать различными средствами своих сторонников из разных страт регионального общества.

Что касается оценки потенциала и перспектив регионального сепаратизма в странах Запада, то в настоящее время трудно объективно оценить, является ли появление сепаратизма в таких развитых странах, как Бельгия (из-за противоречий между валлонами и фламандцами), Канада (проведение референдума о независимости Квебека) и Италия (борьба Лиги Севера за образование государства

«Падания», в которую предполагается выделить северные области страны) историческим курьезом, или же продолжением упомянутой тенденции [1, с. 3]. Так или иначе, выборы в Европейский парламент продемонстрировали политическую силу регионов с устойчивым национальным самосознанием. Так, на выборах 1989 г. 14 регионалистских партий завоевали места в Страсбурге, из которых 10 представляли регионы с сильной национальной напряженностью. К их числу, в частности, принадлежали такие регионы, как Фландрия (с умеренной Volksunie и радикальной Vlaams Block), Южный Тироль, Каталония, Страна Басков и Северная Ирландия. В последующие годы электоральные манифестации регионального сепаратизма продолжились, подтверждением чему являются ощутимые успехи таких регионально-сепаратистских партий, как Шотландская национальная партия и Новый фландрский альянс на региональных выборах в Шотландии и во Фландрии в 2009 и 2010 годах.

В Западной Европе истоками феномена регионального сепаратизма, по мнению автора, являются современный кризис системы национальных государств, неоформленность проекта «Европа регионов», активизация национально-региональных движений как реакция на процессы глобализации и евроинтеграции, сознательное усиление европейскими элитами стратегии «политизация этничности», нацеленной на приоритетное отстаивание прав меньшинств и др.

Наряду с этим автор рассматривает региональный сепаратизм в странах Западной Европы как закономерное следствие европейских межрегиональных диспропорций, кризиса европейской модели «государства-нации», кризиса европейской модели «государства-нации» и «государства всеобщего благоденствия». Западно-европейский региональный сепаратизм также оценивается автором как значимый фактор трансформации национальных политических систем и системы управления в рамках формирующегося сегодня «общеверопейского пространства».

Современные процессы европейской интеграции оказывают неоднозначное воздействие на политический статус и положение европейских регионов. С одной стороны, многолетняя политика ЕС, направленная на поддержку регионального развития и межрегиональной (трансграничной) кооперации, способствовала формированию институциональной инфраструктуры, необходимой для полноценного представительства и реализации региональных интересов на уровне общеевропейской политики [2, р. 137 – 189, 209 – 269; 3, с. 58 – 68]. Она стимулировала процесс «естественной» интеграции европейских регионов (вместе с их «материнскими» государствами) в общеевропейское пространство, что объективно смягчало противоречия по линии «Центр – регионы» и уменьшало потенциал регионального сепаратизма в Западной Европе. С другой стороны, современные тенденции централизации власти и управления в ЕС с созданием новых «наднациональных» властных инстанций, нашедшие

свое выражение в подписании (регистрации) странами ЕС Лиссабонского договора 2008 года, принятии в 2010 году т. н. «Пакта конкурентоспособности» и недавних инициативах Германии по усилению контроля за бюджетно-финансовой политикой государств «зоны евро», вызвали неоднозначную реакцию стран и регионов [4, с. 142 – 143]. В частности, предполагаемое в результате централизации ослабление национальных государств в масштабах ЕС может усиливать стремление к «обособлению» элит некоторых политически и экономически «эмансипированных» регионов ЕС (например Фландрии или Каталонии). С другой стороны, усиливающееся сопротивление планам «централизации» со стороны национальных правительств делает туманными сами перспективы дальнейшей европейской «интеграции», создавая тем самым политическую неопределенность, которой также могут воспользоваться региональные сепаратисты. Наконец, ослабление единого экономического и социального пространства вследствие переживаемого современной Европой кризиса (вкупе с угрозой банкротства целых стран), может дать некоторым экономически сильным регионам с устойчивой национально-региональной идентичностью дополнительный стимул к обособлению от своих государств.

С учетом многообразия проявлений весьма разнообразна современная типология регионального сепаратизма как политической стратегии и политического движения определенного типа. С учетом критериев, существующих в современной политологии, можно выделить ряд его типов. Так, например, в зависимости от исходных оснований принято выделять культурный, государственный, религиозный, интегральный и ряд других. При этом количество типологий, формируемых на основании различных критериев, может быть достаточно большим.

При этом, поскольку речь в нашем исследовании идет о западно-европейском сепаратизме, следует задаться вопросом о том, что отличает данное сепаратистское движение от сепаратизмов Восточной Европы? По мнению французского политолога П. Ланглуа, специалиста в сфере geopolитики и глобальных стратегий, в современной Европе выделяется несколько основных разновидностей национального и регионального сепаратизма. Как полагает автор, в ситуации, когда две части объединившейся Европы все еще не представляют собой единого целого в культурном, политическом и экономическом отношениях, но несут в себе различный исторический и политический опыт, следует оценивать возникающие на западе и востоке континента сепаратистские движения как качественно различные феномены.

Обобщенно П. Ланглуа определяет сепаратизм как политическое движение, нацеленное на освобождение в той или иной степени от государства, в рамках которого заключена национальная или региональная общность, стремящаяся к созданию собственного независимого государства [5]. Развивая заявленный им подход, автор выделяет несколько

основных типов сепаратизма, проявляющихся в разных частях Европы.

Первый из них – западно-европейский сепаратизм, находящийся на «линии пересечения» между федерализмом и централизацией. Его примеры хорошо известны по опыту Западной Европы. При этом две разновидности западно-европейского федерализма должны быть отличны друг от друга.

Западно-европейский сепаратизм, по мнению Ланглуа, проявляется себя в государствах федеративного или конфедеративного типов, и стремится спровоцировать полный или частичный разрыв с этим государством, что неизбежно приводит к пере распределению власти.

Наилучшим примером подобного рода, который мы имеем перед глазами, очевидно, является Бельгия. Фландр, влекомая волной симпатий к идеям сепаратистской партии Vlaamse Belang (бывший Vlaams Blok), наглядно демонстрирует эту тенденцию. Две вещи являются в этом отношении наиболее характерными. Первая из них – это способ действия, одновременно социокультурный и политический, непосредственно ведущий к усложнению системы федеральных учреждений. Вторая непосредственно связана с тем обстоятельством, что отделение Фландрии неизбежно будет означать разрушение Бельгии.

Другой интересный пример сепаратизма западно-европейского типа, по мнению Ланглуа, представляет Испания. Проблемы, существующие в Испании в отношениях между регионами и центральным правительством, в значительной степени являются результатом недостаточно четко проведенного в Конституции Испании разграничения между двумя этими регионами. Отсюда берут свой источник определенные формы национализма, которые, по мнению некоторых других исследователей, в каждом из этих регионов имеют привнесенный характер [6, с. 123]. В результате, вместо укрепления «единства во многообразии», происходит ослабление прочности и стабильности испанского государства.

В отличие от Бельгии, сепаратизм в Испании весьма многообразен. В Стране Басков одновременно существуют как умеренные политические националисты (Parti Nationaliste Basque – PNV), так и радикальное национальное движение с политическим «ответвлением» (партия Batasuna, отныне запрещенная) и военной «ветвью» (ETA). В других испанских регионах потенциал сепаратизма не меньше, например в тех же Галисии или Каталонии. В Каталонии, где партии (Государство Каталония, Каталонский Блок Estat Catala, Bloc Catala и др.) весьма многочисленны, очевидно проявленными являются другие характеристики. Каталония постепенно расширяет объем своих властных полномочий, но ее отношение к независимости в меньшей степени отмечено радикализмом.

Ситуация с Каталонией в составе Испании, по мнению автора, может и должна рассматриваться как особый случай. Каталония с 1939 по 1975 г. находилась в подавленном состоянии, как и другие провинции страны. Следствием этого было активное

подавление любых проявлений каталонского языка и культуры в масс-медиа, системе управления и образования. С концом диктатуры Каталония добилась официального признания статуса каталонского языка. Испанская Конституция создала систему самоуправления, в рамках которой было признано право провинций на автономный статус. Каталония эффективно сотрудничала с центральным правительством в Мадриде, что способствовало мирному переходу всей страны к демократии. Интегрированность Каталонии в состав испанского государства объясняется не только общей историей: вместе с Арагоном с XII века и с Кастилией с XV века (вследствие династического брака) они составили единое политическое целое. Благодаря испанской монархии, выступавшей в качестве института и символа единства, удалось сохранить это наследие.

Второй важный момент связан со способностью Каталонии принять и интегрировать значительное число переселенцев из других частей Испании. Миграция, как полагают некоторые исследователи, не представляет собой никакой серьезной проблемы для каталонской культуры. Напротив, близость языков способствовала относительно легкой ассимиляции переселенцев. М.-А. Роке писала, в частности, что уже в 1900 году каждый четвертый житель Каталонии был переселенцем. Это не вело к разрушению или к утрате каталонской идентичности. Несмотря на гетерогенность происхождения своего населения, Каталония, по мнению Роке, может служить «примером общества со значительной степенью закрытости и с весьма ясными характерными чертами» [7, р. 97].

Эти два элемента с высокой интеграционной силой тем не менее не смогут удержать Каталонию в составе союзного испанского государства, если ее автономный статус в составе испанского государства не будет расширяться. Масштабы этой автономии в сознании руководства и большей части населения еще не достигли своих пределов [8, р. 114 – 115].

При этом долгосрочной целью Каталонии не является переход от статуса несуворенного к статусу суверенного актера в смысле государственного принципа, но последовательное расширение своей компетенции. Таким образом, Каталония должна в сфере политики, равно как и в сферах экономики и культуры, перейти с периферии в центр (испанской политики).

В Испании, когда один из регионов добивается большего объема власти, другой стремится к тому же, третий – действует аналогично. При этом испанский сепаратизм, по мнению Ланглуа, не провоцирует напрямую распад государства в случае, если какой-либо из регионов добьется независимости, но сепаратистские движения в других провинциях неизбежно ведут к федерализации государства, которое было централизовано во времена Франко, где провинции всегда стремились к более широкой автономии.

Другой тип западно-европейского сепаратизма, выделяемый П. Ланглуа, – так называемый «антицентристский сепаратизм». Его примером являет-

ся деятельность испанских сепаратистов-радикалов из ЭТА (террористического ответвления сепаратистской баскской политической партии «Эрри батасуна»). Одна из самых жестоких на сегодня террористических группировок в Европе – организация баскских радикалов-сепаратистов ЭТА (Euskaudi Ta Askatasuna – «Баскония и свобода») – была создана еще в 1950-х годах. Однако ее деятельность обрела свой фирменный ужасающий размах только после 1966 года, когда от сравнительно умеренного, чисто националистического крыла ЭТА-V откололась радикальная ветвь ЭТА-VI, принявшая программу «Puntos basicos» («Основополагающие позиции»). В этом вполне марксистском документе был открыто провозглашен курс на социалистическую революцию, совершив которую должен, естественно, рабочий класс. Это обстоятельство можно было бы объяснить чисто историческими причинами: ЭТА сформировалась и выросла в годы франкистской диктатуры, под флагом борьбы против действительно практиковавшейся тогда этнической дискриминации басков, а в 1950-х и 60-х годах все, кто выступал против правых, автоматически встраивались в шеренги левых.

В то же время, по мнению Ланглау, подобный же тип сепаратизма можно обнаружить во Франции, в регионе, более большей или меньшей степени периферийном, желающим покинуть единое целое, в качестве которого не признается сама страна. Подобным образом, в различных пропорциях и с разной массовостью, проявляют себя сепаратистские движения в Новой Кaledонии, Французской Полинезии, Корсике, Антильских островах. В то же время другие провинции (особенно Страна Басков с ЭТА, Бретань и Окситания с местными сепаратистскими партиями, Савойская Лига в Савойе) в большей степени проявляют себя в борьбе за культурную автономию, прежде всего добиваясь лингвистического и фольклорного признания. Безусловно, последнее также представляет собой определенный способ достижения политической власти, но сама независимость считается чем-то недостижимым.

Характерен в этом отношении пример корсиканского сепаратизма. Французская исследовательница М. Лефевр рассматривает последний как «искусственное» и «спровоцированное» политикой центральных властей явление. Сама «корсиканская национальность» представляется ей не эндогенным (внутренним) продуктом деятельности корсиканских националистов, но сознательным результатом децентрализации, осуществляемой правительством в Париже, которая превратила жителей острова в «иностранных» по отношению к остальной Франции [9, р. 35 – 36]. Будучи дополненной изменениями социальной структуры корсиканского общества и закреплением прав общества на самоуправление, она привела к возникновению «политического вакуума», который не сумела заполнить корсиканская элита, провозгласившая свою верность «корсиканским интересам». В то же время Париж продолжал оказывать острову экономическую помощь, что способствовало возникновению на нем «клиентарной

экономики», что еще более усилило отрыв островного департамента вместе со всеми его проблемами от Республики [10, р. 156 – 158].

Автор статьи предлагает собственную классификацию региональных сепаратизмов в Западной Европе, комбинируя историко-культурный, социально-экономический, политический и идеологический критерии, а также типы национализма, на которые опираются лидеры сепаратистских движений. В качестве наиболее типичных примеров автор соответственно выделяет:

1) этнолингвистический и национально-государственный национализм, принимающий форму экономического и культурного регионализма как особой формы самоопределения («случай» Каталонии). Противовесом сепаратистским устремлениям Каталонии, по мнению автора, может служить политика испанских властей, нацеленная на реализацию принципа «многоуровневой идентичности» (общеспанской и каталонской), реализация совместных с автономным регионом проектов социально-экономической модернизации, проведение политики разумной децентрализации. При всем своем ненасильственном характере и преобладающих экономических и культурных ориентациях обладает значительной базой и нереализованным потенциалом, что создает серьезную угрозу целостности и единству испанского государства;

2) культурно-исторический национализм, принявший форму «движения элиты» за политическое и государственное самоопределение (Шотландия). Политический потенциал шотландского сепаратизма далеко не исчерпан, и при определенных условиях он может способствовать подрыву единства Соединенного Королевства. Для эффективного противодействия ему правительство страны призвано принять меры по укреплению «общебританской идентичности», прибегнуть к более справедливому перераспределению полномочий в социально-экономической сфере, разумно направляя деволюционные процессы;

3) этнокультурный и этнолингвистический национализм, принявший форму массового движения за политическое и государственное самоопределение (Страна Басков). Баскский сепаратизм, в силу своих глубоких корней и радикального политизированного характера, имеет масштабный нереализованный потенциал, а противодействие ему требует долговременного диалога испанских властей с баскскими элитами и дальнейшую поступательную реформу испанского государства в направлении федерализации;

4) этнокультурный и этнолингвистический национализм, принявший форму «латентного сопротивления», регионального изоляционизма и терроризма (Корсика). Корсиканский сепаратизм в основном проявил свой деструктивный потенциал и превратился в преимущественно маргинальное политическое явление. Однако ослабить его все еще значительную базу может лишь комплексная стратегия французского государства по реинтеграции островного департамента Корсика в единое общефран-

цузское политическое, правовое и социально-культурное пространство.

Таким образом, западно-европейский региональный сепаратизм представляет собой неоднозначное и многообразное явление, а различные его типы заметно отличаются друг от друга по своим источникам, содержанию и возможным последствиям. С точки зрения автора, для нейтрализации угрозы регионального сепаратизма и ослабления порождающих его факторов необходима новая качественно стратегия евроинтеграции и модель европейской региональной политики. В свою очередь, решение проблемы сепаратизма, как представляется автору, предполагает проведение формирования новых исследовательских подходов и проведение новых исследований по проблеме как теоретического, так и прикладного характера. Как представляется автору, дополнительного внимания заслуживают антропологические и социально-психологические, а также общемировоззренческие основания региональных национализма и сепаратизма как двух взаимосвязанных политических явлений. Необходимо и более глубокое исследование происхождения, специфики и политической роли движений за региональное самоопределение. Необходимы также исследования, акцентирующие общее и различное у различных проявлений сепаратизма в разных странах и регионах мира с учетом их исторических, культурно-цивилизационных и политico-правовых особенностей. Наконец, весьма актуальной является разработка качественно новой стратегии национальной и региональной политики и национально-государственного строительства. Как представляется автору, решение этих исследовательских задач возможно на основе соединения правового, политологического, социально-психологического и страноведческого анализов.

Литература

1. Баранов, С. А. Опыт борьбы центрального правительства с проявлением сепаратизма в независимой Индии / С. А. Баранов: автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 2001. – 25 с.
2. Hillard, P. Minorités et régionalismes en Europe / P. Hillard. – Paris: Guibert, 2004. – 345 p.
3. Kochler-Koch, B. Regionen als Handlungsseinheiten in der europäischen Politik / B. Kochler-Koch // Kraemer R. (Hrsg.) Regionen in der Europäischen Union. – Berlin: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 1998. – S. 45 – 74.
4. Grant, Ch. Europa tanzt nach Deutschland Pfeife / Ch. Grant // Weltrends. – 2011. – № 76. – S. 142 – 143.
5. Langlois, P. Typologie du séparatisme en Europe / P. Langlois // Le Monde. – 2008. – 5 avril.
6. Petschen, S. Nationalismus und das Europa der Regionen / S. Petschen // Weltrends. – 1994. – №. 4. – S. 121 – 129.
7. Roque, M. A. L'identité catalane dans les forces centripetes européennes. Un cas d'intégration / M. A. Roque // Mappa S. (ed.) Les sources de l'exclusion. Economisme et replies identitaires. – Paris: Karthala, 1993. – P. 85 – 134.
8. Giralt, J. Notas sobre los fundamentos del nacionalismo catalán / J. Giralt, E. Paventos // Enaroya Puerta de Historia de Euskal Herria. – Nr. 11. – Abril, 1994. – P. 114 – 115.
9. Lefevre, M. Écologie et géopolitique en Corse / M. Lefevre // Hérodote. – 2001. – 1er trimester. – № 100. – P. 32 – 54.
10. Lefevre, M. Démocratie et géopolitique en Corse / M. Lefevre // Hérodote. – 1993. – № 69 – 70. – P. 129 – 160.